

Начались массовые военные суды и расстрелы. Несколько петербургских адвокатов отправились на фронт в Польшу и Лифляндию, чтобы на месте получить опровергающие обвинения материалы и с думской трибуны заявить о лживости распространяемых в войсках и народе слухов.

В это же время по инициативе М. Горького, А. М. Калмыковой¹, Н. Д. Соколова², Ф. Сологуба, Л. Н. Андреева, А. Н. Чеботаревской и ряда общественных деятелей возникла мысль организовать Общество борьбы с антисемитизмом.

Одно из первых собраний состоялось на квартире Ф. Сологуба. На нем были все указанные мною лица.

Л. Андреев в течение вечера несколько раз беседовал с А. Горьким, но это не разрядило напряженности тех отношений, которые уже много лет назад установились между ними.

На заседании решено было устроить в адвокатском клубе собрание, на котором должны были выступить Горький, Сологуб, Андреев и ряд видных адвокатов.

Собрание это состоялось. Оно было очень многолюдным.

Из доклада о собранном на фронте фактическом материале стало ясным, что в шпионаже обвинялись люди совершенно невинные и что положение неимущего населения, живущего в прифронтовой полосе, необычайно тяжелое.

Алексей Максимович призывал бороться с проявлениями антисемитизма и с правительственной политикой натравливания одной части населения на другую...

Отрывок из воспоминаний В. Е. Беклемишевой «Литературные встречи с А. М. Горьким». Машинопись.— АГ.

О В. Е. Беклемишевой — см. Переписка, № 169, прим. 10. Во время войны 1914—1917 гг. она участвовала в эвакуации населения из прифронтовой полосы и активно работала в «Русском обществе для изучения жизни евреев». См. также ее воспоминания об Андрееве в сб. «Реквием», стр. 195—276.

О борьбе Горького и Андреева с антисемитизмом — см. стр. 548—549 настоящ. тома.

¹ Об Александре Михайловне *Калмыковой* — см. выше, стр. 556.

² Николай Дмитриевич *Соколов* (1870—1928) — адвокат, социал-демократ, член III Государственной думы. Расследовав обстоятельства кишиневского погрома (1903), Соколов подготовил материал, изобличающий министра внутренних дел Плеве как организатора и вдохновителя погрома. После окончания процесса Соколов был арестован. В 1906 г. выступал защитником по политическим и аграрным делам в военных судах Риги и Митавы. Принимал активное участие в работе Общества по борьбе с антисемитизмом. После Октября отошел от активной политической работы.

15. В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

... О Леониде Андрееве он <Горький> говорил так:

— Леонид промотал свой огромный талант, как пьяница в ресторане, который расплачивается, не глядя, скомканными кредитками. Не понимаю, откуда у человека неглупого эта безудержная страсть ко всему чудовищному, грандиозному, раскрашенному в страшные тона! Его в детстве ушибли Виктором Гюго, и он вообразил себя гением преувеличений и контрастов. Только у Гюго все это было от молодости и романтического озорства, а Леонид — прирожденный истерик и неврастеник. Вот спутался с Метерлинком — «Жизнь человека», «Анатэма»... Что тут хорошего? Он воображает, что его обезличенные, схематичные персонажи будут вечны именно потому, что лишены быта и представляют собой общечеловеческие страсти. Жесточайшая ошибка! Они завянут, как растение, вырванное из почвы. А какой художник погиб в этом человеке! И еще одна у него беда: он вечно любит в зеркало. В сущности он пишет только самого себя. А это гибель. Все эти «бездны» и «стены» — плохо переваренный Достоевский с его скло-

ностью блуждать по тушикам и лабиринтам. А русская литература не прощает оторванности от быта. Не принимаются на нашем черноземе столь экзотические цветы. Всему есть историческое возмездие. Вот увидите: не мудрый, но честный писатель Куприн переживет громкую славу Андреева, и мало кто об этом пожалует...

Отрывок из воспоминаний В. А. Рождественского «В Петрограде, у А. М. Горького». Впервые опубликовано: «Звезда», 1944, № 4; вторично: там же, 1959, № 3 (часть, касающаяся Андреева, дана в несколько измененной редакции). С сокращениями вошло в кн.: Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.—Л., «Советский писатель», 1962, стр. 177—178.

Воспоминания в целом относятся к январю 1914 г., времени приезда Горького с Капри в Россию.

Всеволод Александрович *Рождественский* (р. 1895) — советский поэт и переводчик произведений Т. Готье, Беранже, Соути, Леконта де Лилия; автор стихотворных сборников «Золотое веретено», «Окно в сад», «Земное сердце» и др.

16. Ф. Н. ФАЛЬКОВСКИЙ

...Ключок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом; сюда он собрал свою многочисленную семью, свои любимые вещи, свою библиотеку и из этой добровольной тюрьмы он очень неохотно, только по необходимости, выбирался на несколько дней по делам своих пьес в Петербург или Москву и один только раз за все время, что я знал его, за границу — в Италию. Где бы он ни находился, он рвался обратно в *свой* дом, роскошно, уютно обставленный, с сотнями любимых мелочей, из которых каждая невидимой нитью тянулась к его мозгу и сердцу, крепко и властно держа и этот мозг, и это сердце в этой причудливой паутине.

Вываться из этой паутины, взмахнуть широкими крыльями, щедро отпущенными ему природой, орлиным взором окинуть жизнь у Андреева не было и физических сил. У него было большое отцовское сердце (он умер точь-в-точь как его отец), расшатанная запоем (особенно в молодые годы) воля и столь развинченная нервная система, что врачи при страховании его жизни дали безотрадный отзыв о состоянии его организма (<...>)

Приглашение Андреева главным редактором «Русской воли» и огромный оклад в 60 тысяч рублей заставили его снять в Петербурге временную квартиру. Здесь застала его революция, которую он принял так же, как и вся передовая русская интеллигенция, то есть восторженно.

Эта интеллигенция, как известно, крепко держалась <...> тротуаров¹ <...>

Леонид Николаевич и на тротуар не вышел. Он остался в своем кабинете на Марсовом поле и здесь целыми днями, не отрываясь от телефона, жадно выслушивал подробности всего того, что происходило на улицах, на митингах, на собраниях. Целыми днями, ночами, в мягком кресле, не отрываясь он от телефона, выслушивая донесения друзей и сотрудников своей газеты. Но события с улицы стали переноситься в дом, пули стали залетать в окна, и Леонид Николаевич перешел в свой райволовский дом, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения. Революция отрезала Финляндию от России и вместе с нею отрезала от России и Леонида Андреева. Леонид Андреев не покинул тотчас Финляндии, ставшей «заграницей», не потому, что не принял новой революционной России, а только потому, что еще задолго до революции его дача стала его родиной. Будь эта дача, скажем, в Малаховке, — он эмигрировал бы в Малаховку. Такова повесть об эмиграции Леонида Андреева, раздутая заграничной печатью. Андреев не эмигрант; он жил в Финляндии за пятнадцать лет до революции и остался в ней <...>

К моменту бегства Андреева из Райвола, в Тюресеве уже образовалась колония беженцев из России. Андреев был принят в семью эмигрантов,